

В Музее появляются антропологические коллекции из стран Зарубежной Азии (Китая, Монголии, Японии). Ценные коллекции поступили из Океании (собиратели – уже упомянутые выше Н.Н. Миклухо-Маклай и О. Финш).

В заключение скажем следующее. Первые годы существования Музея антропологии и этнографии, годы, когда во главе Музея стоял академик Л.И. Шренк, были периодом интенсивного накопления самых разнообразных коллекций. Фонды Музея постоянно пополнялись. Приняв на себя руководство, Л.И. Шренк сделал все от него зависящее для превращения МАЭ в главное академическое хранилище этнографических экспонатов.

Его преемник академик В.В. Радлов сумел сохранить традиции собирания, заложенные Л.И. Шренком, и приумножить богатства, хранящиеся ныне в МАЭ РАН.

С.А. Корсун

Этнографическое собрание И.Г. Вознесенского в Национальном музее Финляндии

В настоящее время в Национальном музее Финляндии города Хельсинки (далее - НМФ) находится этнографическое собрание по народам Русской Америки, поступившее в 1846 г. от главного правителя русских колоний в Америке А.К. Этолина. В публикациях коллекционером этих предметов называют А.К. Этолина.

А.К. Этолин, швед финского происхождения, находился на службе в Российско-Американской компании с 1818 г. Почти вся дальнейшая служба А.К. Этолина связана с Русской Америкой, где в период между 1818 и 1837 гг. он провел пятнадцать лет. В 1839 г. капитан второго ранга А.К. Этолин получил назначение на должность главного правителя Русской Америки. К месту своего назначения он отправился из Кронштадта на корабле «Николай I», на этом же судне находился сотрудник Императорской Академии наук И.Г. Вознесенский. Он был отправлен в Русскую Америку специально для сбора коллекций по различным наукам: минералогии, зоологии, ботанике, ихтиологии, этнографии и т.д. По прибытии в Русскую Америку И.Г. Вознесенский находился в непосредственном подчинении у главного правителя, то есть у А.К. Этолина.

Близко познакомившись во время восьмимесячного путешествия, они с уважением относились друг к другу. Оба свою карьеру создавали собственным трудом, без поддержки высоких са-

новников и покровителей. А.К. Этолину к этому времени было сорок лет, И.Г. Вознесенскому – только двадцать три года. После возвращения в Петербург И.Г. Вознесенский писал: «Состоя под особенным покровительством Главного правителя колоний – ныне контр-адмирала г-на Этолина, давшего мне все зависящие от него средства, радушно оказывая во всех случаях необходимые пособия в течение всего моего пребывания и 5-летнего правления г-ном Этолином тех мест»¹.

А.К. Этолин всячески способствовал развитию финской науки. Еще в 1826 г. он передал этнографическую коллекцию из 46 предметов в университетский музей города Турку (она погибла во время пожара в 1827 г.). Впоследствии, в 1829-1831 гг., он дарил зоологические коллекции в университетский музей Хельсинки. В этот же музей в 1829 г. он передал коллекцию орудий охоты и охотничьих головных уборов народов Русской Америки из 35 предметов. Еще одна небольшая этнографическая коллекция поступила от А.К. Этолина в 1834 г. Но самое значительное собрание, насчитывавшее около 500 предметов, поступило от А.К. Этолина в 1846 г. От всех предыдущих коллекций это собрание отличалось как количеством, так и разнообразием предметов. Сейчас оно находится в НМФ. Вместе с этнографическим собранием был передан его список на русском языке. К некоторым предметам до настоящего времени сохранились этикетки с надписями на русском языке, совпадающими со списком НМФ.

В 1990 г. П. Варьёлой в соавторстве с Ю.П. Аверкиевой и Р.Г. Ляпуновой был издан каталог этнографического собрания А.К. Этолина по народам Русской Америки. В каталоге приводится описание 539 предметов, из них около 500 относятся к сборам А.К. Этолина. Это вещи тлинкитов, хайда; танаина, атена; алеутов о. Атка, о. Уналашка, Прибыловых островов, Атту; эскимосов кадьякцев, катмайцев, кускоквимцев, чугач, побережья Бристольского залива, залива Нортон. В списке к собранию указано еще несколько народов: чукчи, китайцы, индейцы Калифорнии. В связи с этим невольно возникает вопрос – действительно ли все эти вещи собирал А.К. Этолин и когда он занимался сбором коллекций?

П. Варьёла во вступительной статье к каталогу пишет: «Вполне возможно, что он (Этолин. – С.К.) имел материалы, собранные для него во многих районах Ильей Вознесенским и из района Кускоквима лейтенантом Загоскиным»². Также она называет И.Г. Вознесенского автором русскоязычного списка коллекций А.К. Этолина в НМФ³. В связи с вышеизложенным можно предположить, что и собирателем большинства предметов, упомянутых в списке, был И.Г. Вознесенский. Именно он посетил почти все вышеуказанные народы и специально занимался среди них сбором этнографических

коллекций⁴. Дарителями отдельных предметов в списке НМФ названы К.В. Шашников, правитель конторы на острове Св. Павла, и лейтенант Л.А. Загоскин. Они являлись корреспондентами И.Г. Вознесенского и неоднократно дарили ему различные коллекции. Кроме того, К.В. Шашников передал И.Г. Вознесенскому свои записки о животном мире Прибыловых островов, о чём упоминается в двухтомной монографии Ю.И. Симашко (Русская фауна, или Описание и изображения животных, водящихся в империи Российской. СПб., 1850-1851).

Судя по спискам коллекций И.Г. Вознесенского, собранных для Кунсткамеры и для А.К. Этолина, идея собирать вещи в двойном объеме возникла не раньше осени 1841 г., после возвращения И.Г. Вознесенского из Калифорнии. С этого времени и до осени 1844 г. И.Г. Вознесенский постоянно приобретал для А.К. Этолина дубликаты тех предметов, которые он собирал для Кунсткамеры.

Приведем несколько примеров. Так, осенью 1842 г. И.Г. Вознесенский приобрел для Кунсткамеры две парки катмайцев, в комплект с которыми входили двое штанов, две пары сапог и шапка из меха выхухоли⁵. Такой же набор одежды, включая две шапки из меха выхухоли, указан в списке собрания НМФ⁶. Эти вещи опубликованы в указанном каталоге на страницах 230-233. Катмайская парка из собрания МАЭ в 2002 г. экспонировалась на выставке «Арктическая цивилизация», проходившей в музейно-выставочном центре «Ваприки» в городе Тампере в Финляндии⁷.

Из предметов культуры северных атапасков И.Г. Вознесенский приобрел для А.К. Этолина «полный ровдужный костюм, состоящий из рубахи, торбасов со штанами, шапки, перчаток двух пар, колчана со стрелами и мешочка для трута и огнива. Мужской. Национальная одежда кенайцев и колчан. Рубаха и торбаса украшены дикобразовыми иглами и опушкой выдры»⁸. Для Кунсткамеры И.Г. Вознесенский приобрел «ровдужное платье жителей Кенайского залива, мужское, состоящее из туники и штанов с торбасами»⁹. Также в его списках указаны несколько пар перчаток и замшевый колчан со стрелами.

В начале 1844 г. И.Г. Вознесенский приобрел для А.К. Этолина «1 (одну. – С.К.) колошенскую трубку, изображающую паровоз. Из Ситхи., 4 (четыре. – С.К.) колошенские трубки аспидных под лит<ерами> А, Б, В, Г. С остр. Королевы Шарлотты. 1 (одно. – С.К.) колошенское блюдечко аспидное. Оттуда же (с островов Королевы Шарлотты. – С.К.). 1 (одну. – С.К.) колошенскую накидку (нахэн). Из Ситхи»¹⁰.

Аналогичные предметы были собраны и для Кунсткамеры: «Национальный плащ старшин Колошенских, который здесь (в Ситхе) известен под именем накидки *нахэн*... 1 (один. – С.К.)...

Трубки вырезанные из аспида с изображением символических фигур (с островов Кор. Шарлотты) – под лит: А. В. В... 3 (три. – С.К.). Блюдечек аспидных резных (парные) 2 (два. – С.К.)»¹¹.

Подобным образом можно сопоставить почти все вещи из русскоязычного списка НМФ и списков предметов Кунсткамеры, поступивших от И.Г. Вознесенского. Сходный набор предметов по отдельным народам Русской Америки в собраниях обоих музеев является свидетельством того, что их собирателем был один и тот же исследователь. Авторство И.Г. Вознесенского в отношении списка предметов НМФ не вызывает сомнений. В документах И.Г. Вознесенского неоднократно говорится об упаковке и подготовке к отправке в Петербург ящиков с коллекциями А.К. Этолина. Так, в его дневнике за 19 февраля 1845 г. сказано: «Был у губернатора и занимался его ящиками»; 25 февраля И.Г. Вознесенский писал: «Пообедав у губернатора и пришед домой... я сел за работу – обклеивать ящики для губернатора, устанавливая ему рыб китайских»¹².

Тот факт, что И.Г. Вознесенский собирал для А.К. Этолина дублиеты этнографических предметов Кунсткамеры, подтверждается сходством между экспонатами МАЭ и НМФ. Наиболее яркие примеры: женские рубахи танаина (кенайцев. – С.К.) – в МАЭ № 620–41а¹³ и № ВК 174 в НМФ¹⁴; томагавки атена из рога оленя – в МАЭ № 593–59, № 571–32а¹⁵ и № ВК 198, 199, 200 в НМФ¹⁶; алеутские сумочки – в МАЭ № 571–98¹⁷ и № ВК 255 в НМФ¹⁸; парки эскимосов острова Кадьяк – в МАЭ № 2888–84¹⁹ и № ВК 81 в НМФ²⁰; плетеные шляпы чугачей – в МАЭ № 593–34²¹ и № ВК 45b в НМФ²². Этот перечень легко продолжить. Можно сопоставить большинство предметов из коллекции А.К. Этолина 1846 г. в собрании НМФ с предметами из сборов И.Г. Вознесенского в МАЭ.

Несмотря на то, что в собрании А.К. Этолина имеются великолепные образцы изделий народов Аляски, в частности алеутские деревянные шляпы²³, И.Г. Вознесенский отдавал предпочтение сбору коллекций для Кунсткамеры. Это проявляется как в количестве предметов (в МАЭ около тысячи, а в НМФ около 500), так и в их научной ценности. Те вещи, которые И.Г. Вознесенский собирал в единственном экземпляре, он передавал в Кунсткамеру. Так, в МАЭ имеется шляпа-козырек эскимосов залива Нортон № 593–51²⁴, деревянная катмайская шляпа-козырек № 593–16²⁵, маски эскимосов острова Кадьяк²⁶ и еще несколько десятков предметов, к которым нет дублетов в НМФ. Наоборот, в МАЭ можно подобрать аналогичные образцы почти ко всем экспонатам НМФ.

Собственно к сборам А.К. Этолина могут относиться многочисленные образцы миниатюрной алеутской скульптуры из моржовой кости²⁷. А.К. Этолин мог их приобрести летом 1840 г., когда в ходе инспекторской поездки он посетил Уналашку, Атку и При-

быловы острова. Эта коллекция была отправлена в Петербург в 1844 г. на имя академика Ф.Ф. Брандта. Посылка состояла из семи ящичков, из которых три содержали одежду народов Аляски, орудия охоты и большое количество миниатюрной алеутской скульптуры. В сопроводительном письме Ф.Ф. Брандту предлагалось отобрать для Кунсткамеры вещи, отсутствующие в ее коллекциях²⁸. Этим предложением зоолог Ф.Ф. Брандт не воспользовался, по крайней мере, в отношении этнографических экспонатов. Образцов миниатюрной алеутской скульптуры, аналогичных собранию НМФ, в МАЭ нет.

Таким образом, можно считать доказанным, что именно И.Г. Вознесенский, а не А.К. Этолин, был собирателем основной части коллекции по народам Русской Америки, которая в настоящее время находится на хранении в НМФ в Хельсинки.

¹ ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 27. Л. 3 об.

² Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. The Etholen Collection: The ethnographic Alaskan collection of Adolf Etholen and his contemporaries in the National Museum of Finland. Helsinki, 1990. P. 27.

³ Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. Op. cit. P. 31.

⁴ Alekseev A.I. The Odyssey of a Russian Scientist: I.G. Voznesenskii in Alaska, California and Siberia, 1839–1849. Kingston, Ontario. 1987; Blomkwist E.E. Russian Scientist Expedition to California and Alaska, 1839–1849 // Oregon Historical Quarterly. 1972. V. 73. № 2. P. 101–170.

⁵ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 25/

⁶ Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. Op. cit. P. 324.

⁷ Arktiset sivilisaatiot. Tampere, 2002. P. 192.

⁸ Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. Op. cit. P. 323.

⁹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 195.

¹⁰ Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. Op. cit. P. 324.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1845. № 12. Л. 12 об.–13.

¹² ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2/2. Л. 33–34.

¹³ Siebert E. Northern Athapaskan Collections of the First Half of the XIX Century // Arctic Anthropology. 1980. V. 17. P. 49–76.

¹⁴ Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. Op. cit. P. 108; The Far North: 2000 Years of American Indian and Eskimo Art. Washington. D.C., 1973. P. 142.

¹⁵ Troufanoff I. The Ahtena tomahawks in the Museum of Anthropology and Ethnography // Current Anthropology. 1970. V. 11. № 2. P. 155–159.

¹⁶ Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. Op. cit. P. 131.

¹⁷ Appeasing the Spirits: Alaskan Coastal Cultures / J. Oakes, R. Riewe. Toronto, 2004. P. 132.

¹⁸ Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. Op. cit. P. 194.

¹⁹ Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska / W.W. Fitzhugh, A. Crowell. Washington. D.C., 1988. P. 209.

²⁰ Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. Op. cit. P. 224.

- ²¹ Crossroads of Continents... P. 292.
²² Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. Op. cit. P. 89.
²³ Ibid. P. 172-176.
²⁴ Arktiset sivilisaatiot... P.191.
²⁵ Crossroads of Continents... P. 48.
²⁶ Liapunova R.G. Eskimo Masks from Kodiak Island in the Collections of the Peter Great the Museum of Anthropology and Ethnography in St. Petersburg // Anthropology of the North Pacific Rim / W.W. Fitzhugh, V. Chaussonnet. Washington; London, 1988. P. 175–203.
²⁷ Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. Op. cit. P. 198-205.
²⁸ ПФА РАН. Ф. 51. Оп. 2. № 8. Л. 19–20 об.

Е.А. Окладникова

Семиозис музейного предмета

Предметы являются основой как любого музейного собрания, так и любой экспозиции. Музейный статус предмета определяется возможностью его исследования как исторического источника¹, документа конкретной эпохи², а также как текста, который имеет определенный семиотический дискурс³.

В настоящей работе мы описываем музейную экспозицию (а также и музейный предмет как центральный элемент любой музейной экспозиции) как коммуникативное событие. Поэтому дискурс рассматривается нами как аллоформа реального «речевого акта», «диалога» между предметом, выставленным в витрине, и зрителем. С позиций социальной лингвистики дискурс относится к области социального (социальной коммуникации, риторики, дескрипции), в то время как текст соотносится с категориями лингвистики. В структурной же лингвистике текст и дискурс противопоставляются: дискурс представляется как явление деятельностное, связанное с реальным воспроизведением слов в разговорных практиках, а текст рассматривается в качестве результата речи.

Иными словами, язык, на котором музейный предмет «общается» с публикой, необыкновенно богат, несмотря на статику музейной экспозиции. Богатство этого языка общения определено семиотикой дискурса музейного предмета. Семиотика дискурса музейного предмета включает всю систему символических значений, в которой находят отражение история и то, что принято обозначать понятиями «образ жизни», «стиль жизни», наконец, «качество жизни» и «уровень жизни», как представленных в разного рода экспонатах форм социального проявления этноса, так и создателей музейного экспоната. Семиотический анализ музейных